

Активист Табуниев Герой Социалистического Труда. Актиубинские артисты уезжают в районы для обслуживания колхозников во время весеннего сева.

В тридцатых годах через Актиубинскую область проехал Юлиус Фучик. Один из эпизодов этой поездки описан в его очерке «Плакат олеколона».

Город человек! В центре Актиубинска среди шестушки деревьев стоит памятник колхознику-просоводу Чагану Бериеву. Актиубинские повара чтут память своего знаменитого земляка и продолжают его дело — в марте 1952 года работникам Приаральской опытной станции А. Милозорову и П. Малинину за разработку методов расщеповодского освоения полупустынь Западного Казахстана присуждена Сталинская премия.

Переловые животноводы и мастера урожая читают лекции и сами. Среди действительных членов Общества по распространению политических и научных знаний Казахской ССР — председатели колхозов и рядовые колхозники Актиубинской области. Бримова преподавателем на зоотехнических курсах.

Перед первой встречей футболисты сборных команд Москвы и Польской республики тепло приветствуют друг друга. Гостям преподают цветы.

Заметки о СПОРТЕ

ПО ПОВОДУ ДВА ДНЯ, 11 И 14 МАЯ, МОСКОВСКИЙ СТАДИОН «ДИНАМО» БЫЛ ПЕРЕПОЛНЕН ДО ОТКАЗА. ПРОИХОДИЛИ ТОВАРИЩЕСКИЕ ВСТРЕЧИ МЕЖДУ ФУТБОЛИСТАМИ СБОРНЫХ КОМАНД МОСКВЫ И ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Во время первой встречи я был на поле в качестве судьи. Вторую — наблюдал с трибуны. Составления закончились, как известно, так: 11 мая выиграли со счетом 1:0 польские спортсмены, вчера, 14 мая, — москвичи со счетом 2:1.

Вот об этих состязаниях мне, как футбольному судье и зрителю, хочется сказать несколько слов. Раньше всего о гостях. Они показали хорошую технику владения мячом, быструю игру. Польские футболисты играют лучше, чем в прошлые годы. Это было по достоинству оценено московскими любителями спорта.

К сожалению, мы не можем отозваться должным образом об игре сборной команды столицы. Сборная Москвы могла добиться значительно лучших результатов.

Мы обычно привыкли видеть наших футболистов полными энергии, неутомимыми в своем вступительном порыве, умеющими до конца бороться за мяч. Этого десятка тысяч исканий не наблюдали ни 11, ни 14 мая.

На поле не было дружного коллектива, не было тесного взаимодействия полузащиты и нападения. Особенно слабо выступило нападение, хотя в его состав были включены наши лучшие футболисты. С удивлением наблюдали мы, как утратили они такие необходимые для футболиста качества, как скорость и завершающий удар по воротам.

Предстоит ответственная встреча. Советская общественность вправе напомнить об этом не только футболистам сборной Москвы, но и ее тренерам. Никакие оправдания и ссылки на объективные причины в данном случае не являются достаточными, — команда состоит из достаточно опытных, испытанных в международных встречах спортсменов.

Мы уверены, что в самых ближайших состязаниях зритель увидит на поле спланный, хорошо сыгранный коллектив лучших столичных футболистов, который будет играть в том свойственном ему стиле, в каком играл и играл советские команды, в том стиле, который принес немало славы нашему спорту.

Н. ЛАТЫШЕВ, судья международной категории

Настало время всерьез взяться за разработку проектов таких залов из деревянных конструкций, простейших водных бассейнов, тренировочных площадок и полей. Нужно подумать о постройке по типовым проектам спортивных сооружений простейших конструкций в районных центрах, рабочих поселках, небольших городах.

Важно, чтобы за разрешение этих вопросов поделовому взялись министерства, ВЦСПС, комитеты по делам физкультуры. И тогда многие тысячи физкультурников получили бы возможность заниматься спортом в любое время года.

Н. АРБУЗНИКОВ, инженер-архитектор, заслуженный мастер спорта

В БОРЬБЕ НА ПУШКОВСКИХ ВЫСОТАХ ОН БЫЛ ТАКЖЕ КОМУЖЕ И ОЧУЛСЯ УЖЕ В ГОСПИТАЛЕ, В ХОЛОДОЙ ПАЛАТЕ. ЛЕНИНГРАД ПЕРЕЖИВАЛ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ, СТОЯЛА СУРОВАЯ БЛОКАДНАЯ ЗИМА.

Боец поправлялся медленно. Наступил, наконец, день, когда его выписали из госпиталя и направили в группу выздоравливающих. Хотелось поскорей попасть на передовую линию фронта, которая подступала тогда к окраине города, но как быть, если от слабости кружится голова и подкашиваются ноги?

Как-то он зашел в спортивный зал, где еще недавно бурляла жизнь, где сам он тренировался на гимнастических снарядах. В зале стояла гнетущая тишина. Окна выбиты, кругом осколки стекла, разойдясь по полу. На полу лежал единственный из уцелевших спортивных снарядов — штанга.

— А если попробовать? — мелькнула в голове несмелая мысль.

Вначале трудно, очень трудно было оторвать от пола штангу. Но страстное желание поскорее восстановиться здорово брало веру. Ему показалось, что старшим, что раньше он не замечал тяжелой атлетикой, прочитав гимнастику, коньяк, бег, прыжки. Теперь с каждым днем крепки мышцы, наливались силой ноги, руки.

Наградой за упорную тренировку было первое место в соревнованиях тяжелоатлетов Ленинградского фронта.

Летом 1945 года спортсмена снова постигло несчастье: ночью его сбил автомобиль. С переломом ноги и тяжелыми ушибами его доставили в больницу.

Снова, как и тогда в госпитале, потонулись скучные дни в больнице. Хирург, делавший операцию, знал, что новый больной — студент Института физкультуры имени Лесгафта.

— О спорте забудьте, — решительно заявил хирург. — Институт придется подождать, пока вы не пойдете на работу.

Однако он не сдавался. Он знал, например, что выдающийся пловец Л. Мешков, получив тяжелое ранение в плечо, упорной тренировкой вернул себе спортивную форму. Да мало ли примеров! Советские люди не сдаются, не падают духом!

Домой из больницы спортсмен пришел на костылях. Но и сидя на стуле, он поднимал гантели — вверх и вниз, вперед и назад. Когда был снят гипс и забинтованы костыли, он начал тренировку по всем правилам...

Недавно в Ленинграде в соревновании на первенство общества «Строитель» Юрий Дуганов в рыжке двумя руками на 600 граммов улучшил свой же мировой рекорд. А в толчке двумя руками он установил новый всесоюзный рекорд — 158,5 килограмма.

Юрий Дуганов и есть тот самый спортсмен, о котором мы рассказали выше.

Е. ИСАЕВ

Случай с Гришиным

Эм. КАЗАКЕВИЧ

Летом прошлого года ко мне позвонили, и когда я открыл дверь, вопил дроб. Один из них был слепой, другой, повидимому, сопровождал его. Слепой сделал шаг вперед и, провозгласив мою фамилию, спросил: — Это ты?

Я ответил утвердительно и спросил в свою очередь, что товарищ от меня нужно.

Тогда человек улыбнулся, и по улыбке я сразу узнал его. Это был Гришин, Николай Дмитриевич, с которым в годы Отечественной войны мы служили в одной дивизии.

Завя за руку Гришина, я провел его в комнату и, усадив, сел напротив него. Вспомнил все до мельчайших подробностей все, что мы испытали вместе с этим человеком: Вспомнил он — бойкий, веселый, зоркий, чуть насмешливый, подвижный. Спервоначально любил капитана Гришина, уважал его за разносторонние знания и ровное, ласковое отношение к людям. Мы, разведчики, знали, что стоит нам обратиться к Гришину за помощью — и он все сделает, что нужно. Он был мастером инженерной разведки, прекрасным боевым товарищем.

Сколько мнимых полей противника разминировал этот человек со своими солдатами, сколько заминированных фашистами зданий обезопасил он, сколько человеческих жизней спасли эти нервные руки, из котых ола, права, теперь была изувечена! От Старой Руссы почти до Варшавы люди с благодарностью читали сотни деревянных табличек, на которых было написано углем или мелом: «Разминировано. Гришин». Или — предупреждающе: «Мины. Гришин».

В 1944 году, за несколько месяцев до конца войны, одна из предательски замаскированных врагом мин взорвалась, и Николай Гришин лишился обоих глаз и правой руки.

Семь лет спустя услышал я, повесте о советском человеке, о настоящем человеке, лишившемся зрения, но не лишившемся силы духа. Повесте эта не может оставить равнодушным никого.

Гришин был до войны инженером-строителем. Теперь он не мог мечтать о возвращении к своей профессии. И он решил перучиться, переменить специальность, стать историком, преподавателем. Он поступил в аспирантуру Московского университета. Темой своей будущей диссертации он избрал подготовку большевистской партии материально-технических и организационных условий для подъема производительности труда в колхозах в период второй пятилетки. Гришину пришлось изучить множество материалов: труды классиков марксизма-ленинизма, решения съездов, конференций и пленумов ЦК нашей партии, материалы Госплана, статистические сборники, различные документы, посвященные колхозному строительству, периодическую печать.

Зрение ему должны были заметить осязание и слух. Но правая рука его была изувечена, и он поэтому

не мог освоить полностью технику быстрого чтения и письма точками (для слепых). Он освоил эту технику одной рукой. При взрыве мины у него были повреждены барабанные перепонки. Приходилось сильно напрягать

многие из статей, речей, цифр пришлось заучивать наизусть.

С великой душевной силой и несравненным упорством преодолевал он исключительные трудности, стоявшие перед ним на пути к цели. Ему помогали в работе коммунисты кафедры марксизма-ленинизма Московского университета — доценты Карин, Галкин и Марехина. Многие работники, начиная с министра высшего образования и кончая техническими сотрудниками ректората и кафедрами: Рунковой, Афанасьевой, Кассиной, Злобиной, профессором Фроловой, отнеслись к судьбе Гришина с величайшим сочувствием.

В июне 1951 года Гришин успешно защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук.

Во время защиты произошел такой случай: в аудитории было очень жарко, и рукописи, нанесенная на бумагу точками, стала неудобочитаемой. Гришин ужался: ему показалось, что он не сумеет прочитать свою работу. Напрасно трогал он потными пальцами текст. Пальцы ничего не разбирали.

И тогда Гришин прочитал все — к своему собственному удивлению — наизусть без запинки.

Он получил новую специальность. Министерство высшего образования направило Гришина в город Куйбышев, в гидротехнический институт имени Микояна, преподавателем основ марксизма-ленинизма. Этот город особенно привлек Гришина — он жил здесь раньше, окончив этот самый институт: зная город, он мог в нем ориентироваться, что немаловажно для слепого человека; кроме того, он справедливо считал, что ему, как инженеру, целесообразно работать в институте, готовящем инженеров, либо преподавателем основ марксизма-ленинизма полезно в интересах лучшей постановки работы сколь угодно знать то дело, которому обучаются студенты.

Все это сообщил мне Николай Дмитриевич Гришин в тот летний день 1951 года. Рассказывая свою историю, Гришин светился прозрачной и чистой радостью: трудное дело было завершено.

Вскоре Гришин уехал, и мы больше не виделись, а недавно я получил от этого человека письмо, полное тревоги. Искал он мне не в Куйбышеве — отсюда Гришин уехал к родным в Нижний Тагил.

Что же случилось? Когда Гришин приехал в Куйбышев, руководство института, куда он был направлен, зачислило его на должность ассистента. Не имея возможности предо-

ставить новому ассистенту жилье, директор обратился к тов. Сурину — бывшему председателю горсовета — с просьбой помочь в этом Гришину. Сурин отказал. Тогда Гришин решил поговорить с председателем лично. Сурин его не принял. Тогда Гришин обратился в обком партии, но и там не смог попасть на прием. Тогда Гришин написал секретарю обкома тов. Пузанову письменное заявление, и на этом заявлении вскоре появилась резолюция: «Горсовету на рассмотрение». Но горсовет снова отказал. Наконец, тов. Пузанов направил тов. Сурина новую жалобу Гришина, поручив ему лично рассмотреть заявление и обеспечить Гришину жильем. Но и это указание осталось невыполненным.

Гришин уехал из Куйбышева, так и не приступив к работе.

Чем объяснить этот случай? Злой волей? Нежеланием помочь человеку, достойному всяческой помощи? Не думаю. Я уверен, что, если бы куйбышевские товарищи поняли, для кого перед ними ходатайствуют о жилье, было бы меньше бумажек и Гришину нашлась бы приемлемая жилплощадь.

Ни товарищ Сурин, ни заместитель Сурина тов. Ваншенко не поговорили с Гришиным лично, не пожелали его принять, никто из них его в глаза не видел. Видели только бумажки, и на эти бумажки исправно накладывали резолюции. Потом Гришина все же принял секретарь обкома тов. Ефремов, но он только посоветовал Гришину поехать в Кинель, где с квартирами обстоят легче...

По совести говоря, я не удивляюсь, если окажется, что куйбышевские товарищи, прочитав мою статью, просто не вспомнят, о ком идет речь. Выступив из заявления самое, как им казалось, основное: «институт», «преподаватель», «квартира» и, вероятно, подчеркнув эти «основные» красным карандашом, они механически накладывали резолюции. Они не видели человека. Бумажки, бумажки, бумажки закрыли от них и героизм, и подвиг, и солнечный свет.

Я ищу спокойных выражений, я не хочу порочить людей, которые, несомненно, много и успешно работают и заслуживают уважения. Но, признаться, не могу я понять, как эти люди, конечно же, читающие книгу Николая Островского и «Повесть о настоящем человеке» и, вероятно, глубоко взволнованные чтением, встретившись в жизни с человеком похожей судьбы, проглядели этого человека, прошли мимо, не пожелали даже обменяться с ним словом.

До сих пор Николай Дмитриевич живет в Нижнем Тагиле и не работает. Нельзя сказать, чтобы он вовсе пал духом. Гришин готовит будущие лекции по курсу основ марксизма-ленинизма, начал писать брошюру на базе своей диссертации.

И все-таки Гришин очень удручен и обиден невниманием, проявленным к нему куйбышевскими товарищами. И он вполне прав.

ремонта приближается у них уже к полутора десяткам километров, а в это время «пассажирка» ожидала людей на оставшие, — мне казалось, что ей грустно и что она немного стыдится своего легкомысленного названия.

Однажды мне надо было добраться до Димьянской, и я отправился к управлению гидромеханизации, где машина находилась на работе. Начался субботний вечер. В машине сидело несколько человек, но шофера еще не было. Велел за мной забраться две девушки, зеваясь в уголок и сразу стали шептаться о каких-то своих сложных делах. Рядом сел румяный парень в шерстяной водолазной шапочке. Несколько позже подошел молодой бухгалтер и поздоровался с водолазом. Потом появился человек в плаще и поздоровался с девушками. Кажется, машина наполняется не работниками разных участков и разных профессий, а членами большой и дружной семьи.

— Где теперь работаете? — спросил человек в плаще о муже.

— В конторе района. Теперь перед окончанием работы у нас как обычно. Приехала первая подкачка, а АХО срочно заболела. С собой ругаться будет. Сегодня она с утра ругается. Я замалкала, но она и нечаянно жаловаться, а начальники говорят: «Давай, говорит, местами меняться. Ты, говорит, мой дела делай, а меня пускаяй С. ругает...»

— Надо же, — сказала подруга девушки.

— Ну что с ним сделаешь! Засмеялся и ушла. Все равно скоро здесь конец, будет другая работа, другие начальники...

— Как с земснарядом связаться? — спросила ее бухгалтер. — По телефону? — Нет, телефон спали. Связываемся радицей. Вчера утром морозило, хорошо было слышно.

— Этот земснаряд, говорят, на Тахиа-Таш пойдут, — сказал водолаз.

— На Тахиа-Таш другой ушел. А этот, наверное, на Куйбышев.

— Возли еще двое: молодая кларетная казачка и небезнадежно нагнутой на голову шапка и ее муж в плаще, надетом поверх комбинизона.

— Здравствуй, Маша, — сказал человек в плаще. — Как дочка, ходит начала?

— Уже две пары ботинок стоптала, — улыбнулась казачка.

— Зачем сюда приезжала? — Да вот за ним, — она кивнула на мужа. — Как получка, так ему обязательно надо выжить. Еда его размыкала. Ему и сейчас еще стонку надо...

— Чехов сказал: чем больше пьешь, тем больше жаднее, — заметил супруг. Последнее несколько минут со скачущим видом, он подышал и сказал: — Ты обнови, Маша, а я на участок позвоню...

— Знаю я, на каку тебе панька. Сиди — не пущу.

— Надо же, — с осуждением протворила девушка.

— И ведь вот что интересно, — обратился человек в плаще к бухгалтеру, — мастер — золотые руки, на работу злой, две недели водки в рот не берет, а зарплату обязательно ему надо отметить. И так отменяет, что жена его иногда до ночи ищет. Раз в месяц платит ему, что ли?

Пассажирки засмеялись. Засмеялся и мастер, но спохватился и протворил: — Это у меня гоголевский смех. Смех сквозь слезы.

Наконец, дверца кабинки хлопнула, и машина тронулась.

— И не советно тебе, — обратился к мужу уверенная во всеобщем сочувствии казачка. — Гляди, чего люди говорят...

И вдруг разговор обернулся неожиданным для меня образом.

Мужчина в плаще взглянул на женщину и убежденно протворил: — А тебе бы не меньше его стыдиться надо.

— Почему это? — насторожилась казачка, удивленная, видимо, не меньше меня.

— Семья — самое главное, — добавил бухгалтер.

— Да я к нему со всех концов подхожда. Ничего не получаю.

— Значит, неправильно подходила, — настаивал человек в плаще. — Он у тебя не алкоголик, врач ему не надо. Ты поставь задачу воспитать его — захоти добиться и добьешься.

— Какая у него природа есть, такая и останется, — вздохнула казачка. — Ее не переделаешь.

— Вот оно что! А ты погляди вокруг. — Чего мне глядеть? И так каждый день гляжу.

— А ты еще погляди. — В это время машина шла по тому месту, где еще в прошлом году церквушка Дон, и пружине даже его теперь с трудом могли определить даже старожилы.

Прямо на несколько километров танулась исполовская земляная плотина, поворачивая в сторону новорожденного моря и словно приняла его в свои могучие объятия.

— Кто это, по-твоему, сделал? — спросил человек в плаще.

Казачка молчала.

У донских берегов

В „пассажирке“

Это был обыкновенный трехтонный грузовой автомобиль, и только скамейки, установленные вдоль бортов кузова, отличали эту машину от тысячи ее сестер, развозящих бетон, трубы, песок по многочисленным дорогам Цимлянского гидроузла. Автомобиль со скамейками в определенные часы развозил строителей от управления по участкам и поэтому, в отличие от грузовых машин, назывался «пассажиркой».

Но, хотя задача этого автомобиля была не менее важной, чем остальных машин, и хотя так же, как и на остальных, на дверце его было написано: «стотысячник».

В конторе района. Теперь перед окончанием работы у нас как обычно. Приехала первая подкачка, а АХО срочно заболела. С собой ругаться будет. Сегодня она с утра ругается. Я замалкала, но она и нечаянно жаловаться, а начальники говорят: «Давай, говорит, местами меняться. Ты, говорит, мой дела делай, а меня пускаяй С. ругает...»

— Надо же, — сказала подруга девушки.

Горький и русская литература

1. «Я люблю русскую литературу, люблю страну и верю в ее духовные силы. Это большая любовь, — писал Горький».

К. ПАПЕРНЫЙ

«в изображении того, «чего нет на свете», но что, быть может, и хорошо, может быть, и желательно».

Горький противопоставляет Чехова-реалиста декадантам, а Волков пытается использовать это высказывание, чтобы противопоставить Горького Чехову!

Конечно, ошибается тот, кто не видит, какой огромный шаг сделал Горький по сравнению со своими предшественниками, и, в частности, Чеховым. Но ошибку допускает и тот, кто полагает, будто Горькому для изображения настоящего с позиций будущего, для утверждения мечты, нужно было вовсе отказаться от «страшной силы» реализма и начать писать о том, «чего нет на свете». Ведь сам же А. Волков приводит, правда, в другой главе и в другой связи, весьма интересные слова Горького о самом себе: «никто не выдумывает меньше меня».

Такую же ошибку допускает автор, говоря об отношении Горького к Толстому: «Для молодого Горького, борющегося за «выпрямление» человека, виденный основную задачу литературы в создании образов сильных, свободных людей, метод Толстого, раскрывающий психологию человека во всей ее противоречивости, «ирреализм» человека, не мог не быть чудным».

Неужели изображать «сильных, свободных людей» — значит отказываться от раскрытия психологии человека «во всей ее противоречивости»? Неужели молодой Горький ничему не учился у одного из величайших реалистов мира?

У автора были самые благие намерения — он хотел «возвратить» Горького. Но ради этого он принижает предшественников великого писателя, отрывает его от реалистических традиций и тем самым незаметно снижает и значение Горького, который унаследовал в своей деятельности и в творчестве все лучшее, что было в русской классической литературе.

3. А. Волков приводит фразу из письма Горького, который отмечает «канцеляризм» в языке молодого Тренева: «И вступ — канцелярия: «В сношениях именин телефон нашел применение!»

Но вот первая фраза, открывающая книгу А. Волкова: «Изучение взаимоотношений Горького с писателями-современниками конца XIX — начала XX века имеет большое значение для правильного понимания литературного процесса предшествующей эпохи».

Фраза эта — не исключение. Книга А. Волкова написана в целом ясно и доказательно, но мы находим здесь и такие обороты: «Эти первые входы того единственного и личного, их неразрывной связи, которые являлись отличительным признаком социалистического искусства».

Поэтому трудно согласиться с В. Афанасьевым, рецензентом этой книги, снисходительным заявлением, что «она написана просто и ясно» («Знамя», № 3, 1952 г.).

Некоторые положения в рецензии В. Афанасьева удивляют. «Рассказы об отношениях Горького с Толстым, Короленко, Чеховым, исследователем раскрывает глубокую и тесную связь основоположника социалистического реализма с классической литературой XIX века», — пишет он.

Вместо того, чтоб указать на недостатки книги А. Волкова, В. Афанасьев выдает их за достоинства.

Впрочем, рецензент пробует и критиковать А. Волкова, но делает это стилизованно, словно извиняясь. Вот, например, как выражает он свое критическое замечание по адресу автора, который поверхностно осветил вопрос о взаимоотношениях Горького и Маяковского: «Приведи объективные факты, а Волков не воспользовался в полной мере своим правом исследователя глубоко осмыслить до сих пор еще мало разработанный литературоведческой проблемой творческих связей двух величайших писателей нашей эпохи».

Жаль, что В. Афанасьев, говоря его же языком, не воспользовался в полной мере своим правом критика говорить автору правду прямо и недвусмысленно, не прибегая к парламентско-литвиноватому обороту.

А. Волков написал содержательную и полезную книгу. Но она не лишена серьезных недостатков. Исследователь не может считать свой труд законченным. И вряд ли пожелает автору критик, который прибегает к натянутым комплиментам и уклончивым оборотам.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

НА УКРАИНЕ

ОБСУЖДЕНИЕ НОВОЙ ПЬЕСЫ

Новая пьеса В. Минко «Яблоневый сад» обсуждалась на заседании комиссии по драматургии ССР Украины. Были отмечены жизненность ситуаций пьесы, правдивость ее основного конфликта. Вместе с тем участники обсуждения рекомендовали автору углубить характеристики ряда персонажей, поработать над финалом пьесы.

Творческое обсуждение новой пьесы — отрядное явление в работе комиссии по драматургии ССР Украины. Однако комиссия не сумела еще привлечь к этому достаточно широкий круг драматургов, критиков, работников искусства.

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Большинство переводов трехтомного собрания сочинений Н. Гоголя на украинском языке, которое вышло в издании «Держлітвидав», сделаны злобою, в новых переводах на украинский язык вышло также 16-томное собрание сочинений М. Горького и 4-томное собрание сочинений А. Пушкина. К работе над переводами издательство привлекло 50 украинских поэтов и прозаиков. Среди них — М. Рыльский, М. Бажиш, С. Гончар, Ю. Яновский, А. Головок, П. Панч, Л. Дмитренко, А. Копыленко, С. Сидоренко, Иван Ле, А. Ильченко и другие.

В 1952 году произведения классиков русской литературы в переводе на украинский язык выйдут двухмиллионным тиражом.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА «В СТЕПЯХ УКРАИНЫ»

Лауреат Сталинской премии поэт С. Олейник написал либретто в стихах по сюжету известной пьесы А. Мускетера «В степях Украины». Музыкально-одноименной оперой оперы сочинил композитор Оскар Самуилер. Опера «В степях Украины» принята к постановке в Московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Странно, что республиканский Комитет по делам искусств не проявил интереса к новой опере.

БИБЛИОТЕКА «ПЕРЦА»

В издании украинского журнала «Юмор и сатира» «Перець» начала выходить массовая библиотека сатиры и юмора. Столькими тиражами издаются первые четыре книжки: «Заметки и фельетоны Я. Галана, стихи С. Олейника, С. Воскресенского, Д. Белоуса. В ближайших днях выйдут фельетоны О. Винни и сборник сатирической и юмористической прозы молодых авторов «Перець». До конца года выйдут еще несколько книжек.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь» готовит к печати на украинском языке 24 произведения советских писателей. Будут изданы трилогия В. Белова «Старая крепость», повесть Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», «Песня о самом дорогом» Р. Гамзатов, «Моя комета» Л. Петманидзе, «Моя комета» А. Мусатов, «За синим небом» Т. Хаджикина, «Огненный ручей» И. Дика, «Огонек» Е. Багатиной и другие произведения.

А. ГАЛИНСКИЙ, корр. «Литературной газеты» КИЕВ. (По телефону)

Пятидесятилетие Рахима

СТАЛИНАБАД. (Наш корр.) Местная общественность отмечает 50-летие одного из старших поэтов республики Мухамеджана Рахима. С юных лет, работая сапожником подмастерья, Рахим начал писать стихи. С 1924 года он печатается в газете и журнале Таджикистана, стихи Рахима пользуются популярностью. Широко известны и любимы в народе его песни о Ленине и Сталине.

Рахим перевел на таджикский язык «Бахчисарайский фонтан» А. Пушкина, «Фому Гордеева» М. Горького, поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и другие произведения. Сейчас он пишет поэму о борьбе за мир, работает над переводом «Шахнам» Фирдоуси, редактирует таджикско-русский словарь. Рахим ведет большую работу по воспитанию молодых писателей.

Президиум Верховного Совета Таджикской ССР наградила Мухамеджана Рахима в связи с его пятидесятилетием почетной грамотой. Республиканские газеты и журналы публикуют статьи о жизни и творчестве поэта. На днях юбилейные поступления многолетних приверженцев телеграмм от общественных организаций, редакций, научных учреждений, учебных заведений.

СБОРНИК «ЗА МИР»

БАКУ. Азербайджанское государственное издательство детской и юношеской литературы выпустило массовым тиражом сборник стихов поэтов Азербайджана «За мир». В сборник вошли стихи лауреатов Сталинской премии Сулеймана Рустама, Мамеда Рагима, Расула Раза и других поэтов. Массовым тиражом выпущены избранные произведения Гоголя, Назыма Хикмета, книги А. Гайдара, С. Маршак и других советских писателей.

Новые книги

Виноградов И. Белая степь. Рассказы. Харьков. Дашев. 152 стр.
Гринберг И. Николай Тахонов. Очерк жизни и творчества. «Советский писатель». 280 стр.
Денисов Г. Жизнь торжествует. Стихи, песни, переводы. Фрунзе. Киргизгосиздат. 127 стр.
Лазарев В. Леонард да Винчи. Издательство Академии наук СССР. 112 стр.
Лейбен К. Дни испытаний. Роман. 2-е издательское издание. Казань. Татаргосиздат. 383 стр.
Линия жизни. Сборник рассказов о Советской Армии. Воронеж. 200 стр.
Мачинский Г. На дальней заставе. Повесть. Казань. Татаргосиздат. 80 стр.
Рыбин А. В степи. Роман. Чкалов. Област. 254 стр.
Толстой А. Избранные сочинения. В 6 томах. Т. 5. Петр Первый. Роман. «Советский писатель». 807 стр.
Франко И. Маленький Мирон. Рассказы. Перевод с украинского В. Бонч-Бруевича. Киев. Гостиздат Украины. 60 стр.
Чабанский М. Пять звездных балканских Рассказов и очерков. Авторизованный перевод с украинского Т. Стах. «Советский писатель». 168 стр.
Чемченев Н. Пинпек 1918 года. Роман Фрунзе. Киргизгосиздат. 184 стр.
Чехов В. На правом фланге. Роман. Книга 2. Разведчики. Петрозаводск. Госиздат Карело-Финской ССР. 396 стр.

Н. ГОЛОВАНОВ. За советскую классическую оперу!

У всех нас — громадной важности задача, поставленная перед нами партией и народом: создать советскую классическую оперу.

Классическое — всегда живое. Творения Флипа, Праксителя, титанов Возрождения, грандиозная готика средневековья, великие произведения наших русских художников пера и кисти обрели вечную жизнь и способность заражать возмущением сердца и умы людей прежде всего благодаря большой идее. Идея — она и только она — изнутри, как лучи, освещает каждое великое создание искусства. Гений — это величайшая восприимчивость ко всему прекрасному и умение талантливо выразить духовное содержание жизни в совершенной, законченной форме.

В споре об опере — искусстве синтетическом, включающем в себя почти все искусства, — надо исходить из высоких представлений о классических созданиях человеческого гения; надо по ним, как по камертону, настраивать все наши усилия и намерения. Критиковать и давать рецензии легко, создавать новую оперу трудно. И мы обязаны объединить все наши усилия и драматургов, и композиторов, и дирижеров, и режиссеров.

Наши композиторы могут и должны создать новые, классические оперные произведения. Наша жизнь, наша грандиозная эпоха, героизм наших людей, могущество нашего народа, прокладывающего дорогу в Неизвестное, в новую эру человечества — в коммунизм, достойны самой вдохновенной и великой музыки. Для создания замечательных опер у нас есть все: мы имеем бесценный мировой русский и западно-европейский классический наследие; у композиторов есть все профессиональные и материальные возможности для творчества. Дело только за упорным трудом. Но и труд был приложен: за последние тридцать лет было создано несколько сот новых опер. Значит, самое главное в том, чтобы договориться не только о том, что надо делать, но и о том, как работать, чтобы создать классическую советскую оперу.

В споре между И. Козловским и Д. Кабалевским, который шел на страницах «Литературной газеты», мне кажется, оппоненты не поняли друг друга. Оба они — за то, чтобы родилась советская классическая опера. Оба они дополняют друг друга. Но Козловский напоминает о традициях, специфике и законах оперного искусства, а Кабалевский утверждает, что опера наших дней — это прежде всего опера о наших днях, не объясняя, как же надо создавать, какие мотивы, сюжеты, какое конкретное содержание должно быть предметом оперы.

Когда Козловский называет имена Чапаева, Шорса, Лазо, Зои Космодемьянской, которые могли бы стать героями оперы, он отнюдь не призывает композиторов посвящать свои произведения далекой старине. Он понимает, что конкретное содержание могут дать опере только обобщенные образы, ставшие знаменем целой эпохи и наших дней. Опыт tutto всего мирового оперного искусства говорит, что бессмертные стали только те оперы, где героин — живое воплощение чувства, дум, настроений целого века, целого исторического периода. Оперное произведение может быть и историческим, но оно станет современным по содержанию музыки, по идее, по мастерству, если будет озарено светом нашего дня, представлений наших людей.

При всем уважении к таланту и знанию жизни, которые проявил Е. Милецкий в романе «От всего сердца», мы не можем сказать, что его герои выражают главные черты, думы и чаяния нашего народа. Это бы обобщенные образы, но люди одного раздутого колхоза и притом — одного краткого (во времени) отрезка жизни. Бесспорно, что Чапаев, даже только тот его образ, который донесен до нас в известном романе Д. Фурманова, имеет больше прав на оперные подвиги, чем, скажем, Родион из романа Малышева, ибо Чапаев — это легендарный образ, всем народом признанный герой нашего времени. Отсюда общая горячая любовь в кинокартине «Чапаев».

Значит, наиболее близким опере героин является самый яркий и значительный герой своего времени. И призы «вернуть опере оперное», выданный Козловским, отнюдь не означает возврата к итальянской опере. Нет, следуя великим традициям русских композиторов-классиков (и не только русских), советские композиторы должны учиться их умению отбирать для опер такие произведения литературы, в которых в самой яркой драматической форме, в характерах-ситуациях величайшей типичности даны самые главные, самые решающие черты народной жизни и эпохи, выраженные обязательно талантливой мелодической музыкой в современном оркестровом параде. Доходчивая мелодичность и гармоничность, она должна заражать силой своей охотворностью, радовать отточеной, совершенной формой.

Опыт показал, что в любом сюжете — сказочном, мифологическом, историческом — можно выразить самые передовые и прогрессивные воззрения, если композитор знает жизнь, настроения и запросы общества. Ведь даже простая в виду оперная сказка «Золотой петушок» была алым памфлетом на самодержавие и каждому были понятны пушкинские слова: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Этот сатирический намек, заключенный в сказку Пушкина, и выразил Римский-Корсаков.

В порядке обсуждения.

К декаде литовской литературы и искусства

ВИЛЬНИУС. (Наш корр.) В Литве началась подготовка к декаде литовской литературы и искусства, которая будет проведена в Москве в следующем году.

Республиканское издательство художественной литературы выпустило к декаде на русском языке крупнейшие произведения литовской литературы последнего периода, в том числе: роман А. Гудайтиса-Гузвиниса

Мно думается, что, создавая современную оперу, композиторы должны обязательно заботиться об ее увлекательности и доходчивости, о способности искусства заражать волнением человеческие сердца и потрясать воображение. Музыка дает этот огромный простор. Она способна выразить и всенародный гнев, и радость миллионов, и затанцованные чувства одного человека, и переживания, борьбу различных индивидуальностей.

На вопрос о том, как это делается, трудно, но можно ответить, если глубоко-творчески и деловито-профессионально изучать произведения классиков. Ведь каждый их герой — не только яркая индивидуальность, он в то же время тип, характер, обобщенный образ своего времени. Все эти его свойства проявляются в борьбе, в столкновении, в конфликте. Если нет в опере конфликта, значит нет оперы, потому что она должна быть действенной драмой, выраженной талантливой музыкой.

Когда лирикер выходит к своему публику, чтобы вести классическую оперу, он знает, что его палочкой подхватит музыкальные силы, которым в свою очередь подвластно человеческое воображение. Характерная черта: если заглянуть в партитуру любой классической оперы, можно убедиться, что она сразу же начинается с напряженного действия и смысл оперы раскрывается уже в начале. В первом же акте «Руслана и Людмила» всеслышанный шум ураганов грома, гудящих вряк. Исчезает Людмила. Герои поражены, они в оцепенении. Все их душевное смятение, всю их растерянность выражает знаменитый канон «Какое чудное мгновение». В первом же акте «Пиковой дамы» идет кантат — пять главных героев оперы как бы про себя рассказывают о своих затерянных думках и чувствах, о своих намерениях и замыслах, и это сразу же застывает нас жадных роковых событий. В первых же актах оперы «Евгений Онегин» — в квартете Ольги, Татьяны, Онегина и Ленского — кратко, лапидарно, выразительно не только представлено каждый герой, но и намечены их дальнейшие, полные драматизма отношения.

«Вернуть опере оперное» — это и значит вот так, до предела кратко и закончито, специфическими средствами оперного искусства охарактеризовать героя; это значит играть на сцене не повесть или роман, а оперу, со всеми, только ей присущими средствами художественной выразительности. Главная ошибка большинства наших композиторов, современных режиссеров и театров состоит в том, что первые пытаются положить на музыку литературу без всякого творческого претворения, без перевода на язык музыки, а вторые и третьи (в том числе и мы, в Большом театре) ставят иногда не оперу, а литературу — сюжет повести или романа, без глубоких претворений.

Мне вспоминается мой горячий и принципиальный творческий спор с таким талантливым художником, как И. М. Москвитин. При постановке «Снегурочки» на сцене Оперной студии имени К. С. Станиславского он в беседах с режиссерами и актерами очень ярко и талантливо показывал земные, бытовые, мужицкие черты героев «Снегурочки». Я не согласился с такой трактовкой оперы и поставил наш спор на суд К. С. Станиславского. Константин Сергеевич встал не столько на мою сторону, сколько на сторону композитора. В «Снегурочке» Римского-Корсакова, сказал он, все бытовое, сугубо реальное и чувственное, что составляет драматургию пьесы, отброшено композитором. В музыке осталась только чистая, как ролик, возвышенная народная фантазия и поэзия — она и есть подлинная стихия оперы «Снегурочка». В этом и есть главное отличие оперы от пьесы. И современные оперные режиссеры совершают большую ошибку, когда, скажем, вместо оперы Бизе ставят новеллу Мериме, хотя это две совершенно разные вещи.

И вот глубокие исследование того, как преобразуется литературный источник в классическую оперу, мне кажется, и может дать ответ на то, как создается оперное произведение, в чем своеобразна реализма оперы, какие мотивы литературного сюжета могут быть преобразованы в специфическое оперное действие.

Мы ждем, нам нужна, как воздух, опера, посвященная нашим дням, героям нашего времени, драма, исполненная высоких чувств и страстей, борьбы и героизма, которыми до краев полон наш век, наша эпоха. Как художник и как гражданин, я не раз сравнивал нашу жизнь с жизнью Запада. Уже в последние годы, путешествуя по Италии, которая некогда была Меккой и Медной оперного искусства, я своими глазами увидел, до какого маршала и патерна довели прекрасное итальянское вокальное искусство безобразная реклама, торговский дух, рождающиеся по американскому вальдизму. Здесь не только нет новых настоящих опер, но старые классические произведения становятся варварски, без попыток выразить идейный смысл, без элементарного художественного такта, без глубокой режиссерской работы, в нищенском оформлении.

Оглянемся вокруг: наша страна стоит по главе славного движения всех народов мира за мир, за всеобщее счастье и процветание. Наши герои своими подвигами, творческими свершениями превосходят всех героев древности. Для того, чтобы показать этих героев на оперной сцене, нужен могучий талант композитора, способного создать классическую советскую оперу, воспевающую нашу советскую жизнь. Мы с нетерпением и надеждой ждем пришествия такого художника; рождения Мусоргских наших дней.

Творческой, деятельной, созидательной была эта большая любовь писателя к литературе, к родной стране. Великий художник слова, неразрывно связавший свою судьбу с рабочим движением, революцией, с Лениным и Сталиным, был неутомимым собирателем и руководителем передовых сил литературы.

Своей борьбой за сплочение всех прогрессивных художников слова Горький возродил и развил в новых условиях замечательные традиции Некрасова и Чернышевского, которые выступали не только как писатели, но и как идейные вдохновители, организаторы литературы.

Деятельность Горького в период с 90-х годов до октября, его связь с литературным движением тех лет — такова тема книги А. Волкова.

Важность писателя к ленинской «Искре», участие в журнале «Жизнь», на страницах которого происходит «встреча» Горького с Лениным, руководящая роль Горького в издательстве «Знамя», объединявшем наиболее демократических писателей 900-х годов, сотрудничество в большевистской газете «Звезда», где был опубликован ряд «Сказок об Италии», тесная связь с «Правдой», с поэтами-правдистами, выпуск «Сборника пролетарских писателей», организация издательства «Парус» и ежемесячного журнала «Летопись», борьба с литературной реакцией — обо всех этих фактах и отдельных сторонах деятельности Горького автор рассказывает, опираясь на большой, нередко впервые привлекаемый материал.

Читая эту книгу, и постепенно возникает обогащенный новыми штрихами и деталями образ Горького — верного, отечески внимательного, хозяйски заботливого друга самых прославленных мастеров и еще безвестных, начинающих литераторов из рабочей среды; возникает образ великого художника-деятели, который накануне октября ведет борьбу за новую, будущую литературу.

Значительная часть книги А. Волкова посвящена влиянию пролетарского писателя на демократических литераторов конца XIX — начала XX века: Бунина, Вересаева, Ситальца, Чернышова, Гарина и других. Каждый из них мог бы сказать Горькому то, что написал его Курпир, окончив повесть «Философия»: «...все смелое и бурное в моей повести принадлежит Вам. Если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это».

Автор стремится показать и сложность литературных отношений Горького с отдельными писателями. Отмечая его влияние на раннего Л. Андреева, автор не сглаживает и серьезных идейных, творческих разногласий между ними. «Не было почти ни одного факта, ни одного вопроса, на которые мы с Л. И. смотрели бы одинаково», — писал Горький. Мы находим в книге новые, не публиковавшиеся ранее письма, в которых Л. Андреев, забыв о своих прежних демократических симпатиях, с личинкой откровенности признается в том, что принятый гонорар для него дороже всяких убеждений: «Сколько лет на две души копилась ненависть к жизни и ее творцам, а когда меня приласкали, дали немного денег и успеха, ненависть растаяла и сделалась а домашним писателем, как бывает домашние животные».

Какая выразительная иллюстрация к ленинским словам, разоблачающим фальшивую «свободу» наемных буржуазных литераторов: «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель?»

Книга А. Волкова содержит большой материал, рисующий борьбу Горького против такого «чистого», «свободного» искусства, против растленного декаданса, кликушеской проповеди ухода от жизни, против идейной ренегатства и дезертирства, особенно усилившихся в годы реакции, после поражения революции 1905 года.

Большое внимание уделяет автор работе писателя по вовлечению в литературу новых творческих сил. Он подробно рассказывает о том, как Горький, тесно связанный с большевистской «Правдой», воспитывает молодых литераторов из среды трудящихся.

Итак, главное достоинство книги А. Волкова в том, что она убедительно показывает

2. Лев Толстой, Чехов, Короленко были современниками Горького. Без них нельзя представить себе литературное движение конца XIX и начала XX века. Нельзя ответить на вопрос, как и почему стал Горький учителем, главой литературы, не думая и о том, у кого и чему он сам учился как художник.

А. Волков сопоставляет произведения Горького и Короленко. Но это делается им чаще всего для того, чтобы отметить расхождения между писателями. Короленко в изображении А. Волкова выглядит, как писатель, который прежде всего того-то «не понял», «не сумел», «не увидел» и т. д.

Известно, что либеральная критика до-революционных лет старалась противопоставить Горького русской литературе. В ту пору много писалось о том, что Горький «чужд», «враждебен» традициям. Авторы критических статей противопоставляли друг другу имена Горького и Чехова, Горького и Короленко как непримиримые антитезы, контрастные пары и т. д. К созданию А. Волков не только не опровергает эти схемы, но в некоторых случаях поддерживает их.

«В критике тех лет», — пишет он, — указывалось на различие Горького и Короленко. «Настроение г. Короленко», — писалось на страницах «Русской мысли», — философски спокойное, мягкое, грустное и чисто-гуманистическое в лучшем смысле этого термина. Настроение г. Горького, наоборот, чисто-мужественное, деятельное, часто даже воинственное-мужественное, всегда неспокойное, всегда преисполненное волнения, страсти, часто негиздистичности, — одним словом, это бурное настроение» («Русская мысль», 1898 г., № 1, стр. 40).

Приведя эти строки, А. Волков заключает: «Черты отличия Горького и Короленко отмечены правильно».

Что же тут правильного? Автор приведенной рецензии выхваливает живую душу из произведений Короленко, изображает его «философски спокойным», «чуждым всякого волнения», «бурного настроения» и так далее. А. Волков сочувственно приводит подобную характеристику. Если уж цитировать, так не лучше ли воспользоваться словами не рецензента из «Русской мысли», а самого Горького, оставшего замечательные строки о своем друге и учителе: «...я не встречал человека с такой неутомимой жаждой «справды-сраведливости», человека, который так пронизывающе чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь», — писал он о Короленко.

Чтобы показать действительное отличие Короленко от великого пролетарского художника, сжившего свою судьбу, творчество, деятельность с революцией, вовсе не надо принижать Короленко, искажать его образ.

С Чеховым наш исследователь так же строг, как и с Короленко. Почти во всем, что пишет Горький о Чехове, автор усматривает лишь мотивы идейной коллегии: «...Полемика направленность горьковских высказываний о Чехове обнаруживает даже в его похвалах», — уверяет А. Волков. — В рецензии на рассказ «В огле» (1900) Горький писал: «Страшная сила этого таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете», но что, быть может, и хорошо, может быть, и желательно».

Горький пишет здесь о силе чеховского реализма, о верности писателя правде жизни, о том, что он — в противоположность декадантам — «ничего не выдумывает от себя», не изображает того, «чего нет на свете». Спрашивается, какая же здесь «полемика» направленность против Чехова?

Волков пишет: «Здесь ясно видна грань между творческими принципами Чехова и Горького. Горький подчеркивает, что Чехов «ничего не выдумывает от себя». Творческие же поиски молодого Горького шли в ином направлении. Он искал путей к созданию таких произведений, где изображение настоящего было бы проникнуто героической устремленностью в будущее, где изображение настоящего сочеталось бы

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Где родился Аркадий Гайдар?

Сотрудники нашей библиотеки оказались в очень затруднительном положении — мы не можем точно ответить своим читателям на такие, казалось бы, простые вопросы: где родился писатель Аркадий Гайдар? Где он учился? Не можем ответить потому, что не знаем твердо. А не знаем потому, что мы забыли с толку.

В сборнике «Избранные» Аркадия Гайдара («Библиотека избранных произведений советской литературы», «Советский писатель», 1947 г. Редактор Е. Плавнова) сказано: «Аркадий Петрович Гайдар (Полков) родился в 1904 году в городе Арамазе, Горьковской области» (стр. 490), а в книге «Жизнь и творчество А. Гайдара» («Материалы для выставки в школе и детской библиотеке к 10-летию со дня смерти писателя», Детгиз, 1951 г. Составили И. Михайлова и А. Витман, редактор С. Любимова) говорится: «Аркадий Петрович Гайдар (Полков) родился в 1904 году в г. Львова, бывшей Курской губернии» (стр. 2).

Вот мы и не знаем — где же в действительности родился А. Гайдар: в Арамазе или Львова? В Горьковской ли области или в бывшей Курской губернии?

Далее. В первой из упомянутых выше книг сказано, что учился А. Гайдар в Арамазской гимназии; во второй же книге говорится: «В Львова Гайдар провел первые пять лет своей жизни... В 1912 году

семья Голубович переезжает в город Арамазе... Осенью 1914 года Аркадий поступил в 1-й класс Арамазского реального училища». И на 4-й странице этой книги опубликован фотоснимок: «Здание Арамазского реального училища, где учился А. Гайдар с 1914 по 1918 год. Фото 1951 года».

Мы в совершенном недоумении: где же все-таки учился А. Гайдар — в Арамазской гимназии или в Арамазском реальном училище. Или, может, одновременно там и там? Или одно и то же учебное заведение называется двойно, по-разному (в зависимости от того, кто редактирует книгу)?

М. АФАНАСЬЕВА, заведующая дорожно-технической библиотекой Дальневосточной железной дороги

Неряшливость

К нам, в Воронеж, эта книжка пришла в день, когда в Лено-музеи Н. С. Никитина проходила сборничка-буклет 8-й городской женской школы, посвященный главной теме: «Великий русский народ и русская природа в творчестве Ивана Сергеевича Никитина».

Новое издание стихов Н. С. Никитина, недавно выпущенное Детгизом, могло быть дорогим подарком читателям и в особенности нам, живущим на родине известного русского поэта. Но разочарования последовали очень быстро. На первой же странице под широко известным портретом поэта — подпись: Иван Сергеевич (?) Никитин.

Отметив такой вопиющей небрежностью начало сборника, его составители украсили страницы книжки и другими примерами небрежности к памяти поэта.

Издавая книжку в «Школьной библиотеке», Детгиз в предисловии не рассказал читателям, в какой школе учился сам поэт, что два года ему и какое мрачное впечатление оставила на всю его жизнь.

Неизвестно также, чем руководствовались составители сборника (редактор В. Раккина) при подборе стихотворений: на наш взгляд, он неудачен. Известное стихотворение Никитина о судьбе детей в деревне Россия «Утро на берегу озера» объединяется почему-то в том месте, где начинается восстановление о трагическом положении детей трудящихся до революции. Не вошло в сборник одно из самых лучших поэтических стихотворений Никитина «Над заревенным тираном».

Может быть, составители сборника полагают, что читатель-де мал и не разберется в стихах поэта, не поймет их. Как жаль, что не доведется им познакомиться на нашем провинциальном сборе, посвященном творчеству Н. С. Никитина! Они бы услышали явные и интересные замечания о его жизни и творчестве, которые сделал пионерки Вера Зиборова и Лида Фатганова, услышали бы, как вдохновенно читали многие школьники лучшие стихи любимого поэта. Быть может, тогда редакторы из Детгиза устыдились бы.

М. СОТНИКОВ, старший научный сотрудник Дома-музея Н. С. Никитина ВОРОНЕЖ

ПОЩЕЧИНА ПРЕДАТЕЛЯМ

Осужденному, как говорят, предоставляется 24 часа на то, чтобы проклясть своих судей. Мне не хочется проклясть тех, кто приговорил Рено де Жувееля и меня к уплате штрафа в 12 тысяч франков в казну. Я не хочу этого делать, во-первых, потому, что наши судьи в конце концов стали испытывать явное отвращение к предателям, которые затеяли против нас это дело. Затем еще и потому, что на нашем процессе юридические и формальные соображения суда имели второстепенное значение. Такой процесс заканчивается с последним своим заседанием, и приговор суда не может изменить смысла разоблачений, последовавших во время прений.

Четыре года тому назад другие судьи вынуждены были «осудить» меня столь же формальным образом, но я признаю, что я и мои товарищи в праве были «высказать справедливое и суровое порицание» тогдашнему «истцу» предателю Кравченко. Господин Кравченко «выиграл» процесс, но сегодня всякий, кого вы назовете «Кравченко», в праве привлечь вас к ответственности за оскорбление. Имя выигравшего (!) процесс стало позорным. Дарьял поджигателей войны, затеяв новое «дело», попытка подвести под обвинение режим стран народной демократии, использовав для этого в качестве представителя французского правительства помощника прокурора. В тех случаях, когда он брал слово, он всегда высказывался в пользу предателей и для осуждения социализма.

Недавно в Париже закончился судебный процесс, возбужденный группой предателей, бежавших из стран народной демократии, против французских писателей Рено де Жувееля, автора книги «Интернационал предателей», и Андре Вюрмсера, автора предисловия к этой книге.

В работе Рено де Жувееля собраны многочисленные документы, свидетельствующие о подрывной деятельности врагов народа — американских и английских шпионов и диверсантов в странах народной демократии. Разоблаченные предатели по указке своих хозяев обвинили авторов книги и предисловия в «диффамации» и надеялись, что французский суд станет на их сторону.

Этот процесс, задуманный и организованный американской пропагандой для разжигания военной истерии и поддержки своих агрессивных планов против стран народной демократии, не оправдал надежд, возлагавшихся на него поджигателями войны. На суде «обвиняемые» превратились в обвинителей и доказали полнейшую неопровержимость тех фактов, о которых свидетельствует книга Рено де Жувееля.

Пока длилось судебное разбирательство, по всей Франции не прекращались протесты против новой попытки американских империалистов использовать французское правосудие в своих гнусных целях. Судьи не могли не считаться с этой широкой кампанией протеста.

После 14 заседаний, затратив свыше месяца на размышления, суд вынес приговор, в котором еще раз подтвердил предательскую деятельность «истцов». Однако суд оказался противоречивым в своих решениях. Опасаясь прогневить своих французских хозяев и американских организаторов процесса, он приговорил Рено де Жувееля и Андре Вюрмсера к штрафу в 12 тысяч франков за «резкий тон книги». Начиная свой процесс, предатели требовали, чтоб суд присудил 1 миллион франков каждому в возмещение убытков «за клевету». По приговору суда им всем присужден один франк.

Мы публикуем ниже написанную для «Литературной газеты» статью Андре Вюрмсера, в которой он дает оценку закончившемуся процессу.

Сколько дней до побега из Румынии этот почтенный министр приказал выдать одному из своих политических друзей полмиллиарда франков, принадлежавших Румынии.

Итак, от заседания к заседанию процесс разбивал голову именно тех, кто его затеял. Газета «Фигаро», которая предвещала опубликованные стенограммы прений, посылала им лишь несколько строчек. В фашистской эмигрантской прессе возникла ссора. Польская эмигрантская газеточка, выходящая в Лондоне, заявила, что этот процесс «ни к чему», и что весьма показательно, та же статья, слово в слово, появилась в бельгийской консервативной газете.

Безусловно, для врагов мира оказалось «ни к чему» много из того, что французское правосудие вынуждено было сказать о наших «истцах». Ведь пришлось же, скажем, подтвердить о болгарине Гемето и то, что он был связан с иностранными властями как у себя на родине, так и за границей, и то, что он занимался подрывной деятельностью в разных странах на Востоке, где он мог свободно разрезать лишь при содействии этих же властей, и то, что, наконец, он стал генеральным секретарем кулацкого «Зеленого Интернационала» с местонахождением в Вашингтоне.

«Ни к чему», да, но не для всех. Когда трех «истцов», трех предателей разоблачили, они не стали отрицать того, что состоят на жалованьи у иностранной державы. Газета, которой руководил Гемето, в свое время эти хвастался. Польский полковник Ковалевский признал, что в 1949 году он служил под начальством британского командования. На вопрос адвоката Нордмана: «Если бы, к несчастью, началась война между Польшей и Великобританией, на чьей стороне вы бы сражались?» — Ковалевский ответил: «Тогда бы видно было».

Кстати, никто из «истцов» и никто из их «свидетелей» не согласился выразить свое неодобрение американскому закону, ассигновавшему сто миллионов долларов саботажникам и предателям — выходцам из стран народной демократии. Хозяин-янки не простили бы им подобного неодобрения. Никто из них не отрицал того, что жезлы военного вмешательства в дела проданной им родины. Как известно, «Зеленый Интернационал» обратился с меморандумом к ООН. Подписавшие этот меморандум лица просили вмешаться в дела их стран с той же энергией и теми же средствами, которые применяются ныне в Корею. Никто из «истцов», никто из их «свидетелей» не отменялся от этого чудовищного пожелания. Все они предпочитают превращение их родины в залитую кровью новую Корею отказу от тех привилегий, которых их навсегда лишила народная демократия. Они не пытались также оправдываться в том, что боролись против тех, кто сражался с гитлеризмом. Они не смогли отрицать, что совершили поступки, которые, по законам, действующим во всех странах, рассматриваются как предательство.

Последней удочкой для них было признание их классовой позиции: «Да, они предатели, но народ, который они предели, вступил на путь социализма, и поэтому они, привилегированные лица, имели право отказаться от всякого патриотизма, служить за границей и стремиться к уничтожению своей родины». В этом нет ничего нового — так поступали и рассуждали в 1792 году эмигрировавшие из Франции аристократы, вступая в армию герцога Брауншвейгского и громко приветствуя его, когда он грозился сечь Париж. То же самое говорили в 1917 году русские великие князья, банкиры и белогардейские генералы. Новое здесь то, что это официальное признание было сделано в Париже по французскому суду, что предателям пришлось на этот раз перестать лицемерить.

Если бы процесс «Интернационала предателей» происходил в Будапеште или Софии, реакционные газеты кричали бы, что это «пародия правосудия», что разыгрывалась «комедия признаний». Но процесс происходил в Париже, и, однако, правда восторжествовала. Перед лицом неопровержимых документов предателям пришлось сознаться в Париже так же, как и в Будапеште и в Софии. Поскольку они признались в предательстве, чем мог суд мотивировать вынесенный им приговор? «Невыдержанность стиля», как вы это видели, а также, проявив хитроумнейший формализм тем, что эти предатели, как гласит приговор, утратив свою первоначальную национальность, лишившись отечества, не могли уже, «с точки зрения юридической», стать предателями своей бывшей родины. Бывший поляк не может «юридически» предать Польшу? Но ведь он лишился своей национальности именно потому, что он предал свою страну! Подневольное и злобное молчание проамериканской прессы этот политический процесс, затеянный в целях пропаганды, оказался опасным оружием для тех, кто им хотел воспользоваться. Буржуазия становится все труднее и труднее маскировать свою подготовку к войне, находить для защиты своего дела людей, которых нам не удалось бы разоблачить. Прения при открытии дверей, существование коммунистической прессы становится, тем самым, для нее все более невыносимыми. Поэтому лавки американцев во Франции будут пытаться усилить фашизацию страны. Но это не так-то легко сделать. Против этого — французский народ и его коммунистическая партия.

ПРОТИВ „ОБЩЕГО ДОГОВОРА“!

Военный «общий договор», который американские империалисты и их агент Аденауэр навязывают Западной Германии, должен, по мысли его авторов, помешать заключению морального мирного договора, сорвать мирное объединение страны, превратить Западную Германию в плацдарм агрессивной войны. По указке Вашингтонских военных стратегов, бонские предатели хотят лишить немецкий народ независимости, права на национальные вооруженные силы. В то же время Аденауэр олевет западногерманскую молодежь в мундиры гитлеровского вермахта, готовясь, по приказу Пентагона, развязать кровавую войну против Советского Союза и европейских стран народной демократии.

Однако с каждым днем растет сопротивление немецкого народа американским агрессивным планам. Все большее число немцев понимает, что политика Аденауэра угрожает их национальным интересам. Вот почему население Западной Германии все активнее борется против американских планов ремилитаризации, против милитаристского «общего договора».

Его еще не подписали, этот договор, однако он уже действует. Свидетельство тому «кровавое воскресенье» 11 мая в Эссене. В этот день войска полиции по приказу министра внутренних дел боннского «правительства» Лера открыли там огонь по участникам демонстрации западногерманской молодежи. Юные немцы выразили свой протест против предательской политики бонской клики. Аденауэр и Лер ответили им пулями, и молодой патриот Филипп Мюллер пал первой жерт-

вой милитаристского «общего договора». Германский народ хочет мира, а не войны, настоящего мирного договора, а не военного «общего договора», окончательно отдающего их страну в кабалу Уолл-стрит. Фото, которое мы публикуем сегодня, иллюстрирует настроения широких кругов западногерманского населения.

На снимке слева — плакат, на нем надписи: «Аденауэр одинок — все против него!». Как сообщает помещаемая этот снимок американская прогрессивная газета «Нейшпал гардиан», плакат расклеивают сейчас повсюду в Западной Германии.

«Ремилитаризация без нас!» — гласит надпись на заборе в районе одного из сталелитейных заводов Рура. Этот снимок появился в американском журнале «Экс уик».

Книжный кризис в Англии

Издательское дело в Англии переживает серьезный кризис. Полагают, что в нынешнем году издательско-производственные расходы возрастут, по меньшей мере, на 20-30 процентов. Но уже теперь книги стоят так дорого, что многие англичане не могут себе позволить покупать их. В стране с 50-миллионным населением считается особым удачей, если первое произведение молодого автора, какими бы достоинствами оно ни обладало, выпущено тиражом более трех тысяч экземпляров и... распродано.

От высоких цен на книги особенно сильно страдают дети. Что касается книг для взрослых, то обычно определенное их количество закупает библиотека. А детские книги в большинстве случаев приобретают частные лица. Но цены на эти книги, в четыре-пять раз превышающие довоенные, теперь не по карману родителям. Таким образом, дети либо вовсе лишены книг, либо получают американские издания, которые стоят значительно дешевле, так как выпускаются в гораздо больших тиражах. Американская детская литература привнесла в то, что уже в прошлом году количество книг, издаваемых для детей, снизилось вдвое по сравнению с довоенным периодом.

Надо ли говорить, что рост цен отразился также и на литературе, выпускаемой для школ. Тысячи английских детей вынуждены довольствоваться истрепанными, покрытыми пятнами учебниками, которые переходят из рук в руки до тех пор, пока буквально не рассыпаются по листкам.

Издатели мрачно смотрят на будущее. По мнению Ассоциации издателей, «вперед» — критический год. «Мелкие издательские фирмы, сегодня полностью предоставленные самим себе, смогут выжить только в том случае, если цены изменят направление, пойдут назад, на снижение», — говорит Джон Леман, видный представитель издательских кругов. Газета «Санди Таймс» предвещает «погрязущее падение» издания книг в 1952 году.

«В эпоху, когда приближается находится под угрозой разрушения», — пишет известный прогрессивный литератор Голдинг, — писатель, который считает своим долгом сделать все от него зависящее для ее защиты, стоит перед дилеммой: либо — чтобы не отступнуть назад, — он должен срыгнуть свои мысли, приспособить или сменить их, либо должен найти какой-то новый путь к тому широкому читателю, на которого рассчитана его книга».

Дуглас Голдинг прав, хотя решить проблему, стоящую перед писателем, отнюдь не просто. Огромное большинство книготорговцев бойкотировать прогрессивные издатели, и тем приходится изыскивать другие способы распространения своей продукции. В отличие от Австралии и Соединенных Штатов в Англии профсоюз еще не взял на себя заботу о продвижении прогрессивной литературы, хотя это, несомненно, важное средство борьбы за здоровую и подлинно народную культуру.

Обширнейшим, что английские романисты с так называемой «прочной репутацией» ищут книги в художественном отношении весьма посредственные. Но даже то, что создано в области английского романа, вытесняется с книжного рынка американскими литературными дельцами, торгующими в разных порнографией, садизмом и пессимизмом.

Критические отряды большинства газет теперь отводят главное место в своих обозрениях американским книжным новинкам. Непрерывно фабрикуемые по ту сторону Атлантического океана сухие, занимающие сотни страниц «саги», расписывающие всякого рода любовные истории, полове извращения, мистические ужасы и чудовищные зверства, противоречащие даже самому примитивному представлению о гуманности, систематически переиздаются английскими фирмами. И большинство буржуазных критиков горячо поддерживает литературу подобного рода.

Это низкопробное чтиво усилению распространяется среди читателей, возбуждая и поощряя в них уже с острым ощущением и вездешной патологией. Для таких книг уже создан свой искусственно раздутый рынок. Этим и объясняется, что многие английские романисты кинулись поставлять ходкий товар для рынка. Таким образом они содействуют дальнейшему вырождению английской культуры, у которой столь богатые традиции в прошлом и в общем столь печальное настоящее.

Пока еще очень немногие английские литераторы пишут, подобно Олдриджу и Гину Томасу, в реалистическом, прогрессивном духе. Но они, как и Гонард Фаст и призывающая к нему небольшая группа писателей в США, поддерживают огонь в светлячках и вселяют надежду на будущее возрождение подлинно прогрессивных литературных традиций Англии.

Новые люди Китая

В последние годы в Китае вышло в свет немало замечательных произведений, правдиво рассказывающих о героической борьбе народа против японских оккупантов и гоминдановской реакции. Некоторые из этих книг, как, например, «Повесть о новых героях» писателя Кун Цзюэ и Юань Цзиня, изданная недавно в русском переводе, стали любимыми книгами китайской молодежи.

«Повесть о новых героях» является, как говорит Го Мо-жо, «поистине замечательным творческим успехом». Ее популярность среди читателей объясняется прежде всего тем, что со страниц книги перед нами встают образы рядовых борцов за свободу родины. Герои этой повести — юноши и девушки — подлинны представители народа. Их жизнь и мечты близки и понятны широкому массам. Их мужество вызывает всеобщее уважение. Их сознательность, высокая мораль — мораль коммунистов, их подвиги рождут у читателя глубокие, волнующие чувства.

Первые главы «Повести о новых героях» посвящены началу национально-освободительной войны в Китае против японских захватчиков, которая длилась восемь лет. Авторы правдиво показывают, как под руководством коммунистической партии растет сила народного сопротивления чужеземным разбойникам. Перед нами одна за другой возникают картины необыкновенного патристического подвига китайского крестьянства. В тяжелых испытаниях, в героической борьбе закаляется воля патриотов к победе. Тысячи и тысячи крестьян вступают в ряды партизанских отрядов, отражают атаки японских самураев, громят их, освобождают временно захваченные противником территории, создают опорные районы и закладывают основы будущего народного государства. Мы видим веренище молодых борцов великой армии народа, которая под руководством коммунистической партии и ее вождя Мао Цзе-дуна приходит к победе над врагом.

Коммунист Цай, юноша Ню Да-шуй, Гао Тунь-эр, Шунь-си, девушка Ли Сюэ-май — это молодая гвардия сражающегося Китая, закаленная в огне суровой борьбы. Судьба героев повести показана в теснейшей взаимосвязи с ходом революционных событий. Верные сыны и дочери народа, они подчиняют все свои мысли единой цели — завоеванию победы над ненавистными иноземными и отечественными паразитами. Их не могут сломить ни тяжелые испытания, ни пытки в японских застенках.

Глубоко и убедительно показана в «Повести о новых героях» борьба двух лагерей — крестьян по главе с коммунистом ссарем Чаем понимается против сил феодально-помещичьего режима, против помещиков Хэ Шя-сяня, Шянь Йо-цзуня, Чжан Цзинь-луна, которых поддерживают японские оккупанты.

Авторы, не отстывая от правды истории, с большим мастерством рисуют сложный процесс перестройки стихийного возмущения народных масс в организованный отпор самурайским захватчикам. Под красные знамена партизанских отрядов стекаются со всех сторон люди, горячо любящие родную землю. Здесь они добывают оружие, проходят суровую школу революционной борьбы и становятся подлинными народными мстителями, самоотверженно сражающимися за освобождение Китая от чудовищного гнета японских оккупантов и их чанкайшистских марионеток.

В центре повести — образы бесстрашных вожаков — китайских коммунистов. Им посвящены лучшие страницы книги, об их славных делах, об их храбрости и мужестве, патристической целеустремленности и преданности народному делу Кун

Цзюэ и Юань Цзиня рассказывают с той искренней страстностью и правдивостью, которые присущи подлинно талантливым произведениям искусства.

В обстановке справедливой освободительной войны мужают и растут герои повести Ню Да-шуй и его подруга Ли Сюэ-май.

Авторы повести принимали непосредственное участие в проведении земельной реформы в центральной части провинции Хубэй, где развиваются описываемые в повести события. Вместе с народом они прошли славный путь борьбы за освобождение родной страны. На полях сражений, в походах и на привалах, в китайской деревне и в партизанских отрядах черпали они ценнейший материал для своей книги. Глубокое знание народной жизни помогло талантливым писателям создать запоминающиеся образы новых героев свободного Китая — его защитников и строителей.

В огне сражений за торжество народной революции прогрессивными китайскими писателями был создан целый ряд прекрасных произведений. Большой популярностью в современном Китае пользуется поэма Ли Цзюэ «Ван Гуй и Ли Син-сян». В ней нашла поэтическое воплощение самоотверженная борьба революционного крестьянства пограничного района Шяньси — Гансу — Нинся.

Выход в свет поэмы, написанной в разгар народно-освободительной войны в Китае, встретил восторженный прием со стороны широких кругов читателей. «Эта поэма», — пишет Го Мо-жо, — является подлинно народным произведением... Это — искусство сегодняшнего и завтрашнего дня».

«Поэма «Ван Гуй и Ли Син-сян», — говорит Чжо Эр-ву, — несомненно, представляет собой крупнейшее событие. Она вклад начала целому периоду в развитии китайской поэзии... Здесь каждая строка является ярким отражением боевой жизни...».

Достоинством поэмы является то, что автор избирает героем своего произведения простого человека — человека труда и убедительно показывает духовный рост китайского крестьянина, его скромность, душевную простоту, изумительное трудолюбие. В скупых, но верных словах под изображает подвиги своих простых героев, раскрывает смысл их героических дел.

Вот краткое содержание поэмы. Помещик-мироход Пуй, по прозвищу «второй барин», пользуется неуражаемым годом в местечке Синь-вань, угнетая зверскую расправу над крестьянином-арендатором Ван Ма-цзы. В расправу за долги Пуй забравает к себе сына замученного насмерть Ван Ма-цзы — тринадцатилетнего Ван Гуя. С первого же дня подросток попадает в жестокую кабалу. Барское самоуправство и произвол не знают границ. Только старый бедняк Ли Да-шуй принимает трогательное участие в судьбе маленького пастухона. Этих двух обездоленных людей — мальчика и старика — связывают незримые нити взаимного доверия.

Одновременно развивается лирическая тема. Ван Гуй знакомится с девушкой по имени Ли Син-сян, единственной дочерью Ли Да-жуя, остальные дети которого умерли голодной смертью. Проходит время, и между ними завязывается дружба, вырастающая впоследствии в большую и верную любовь. Однако на пути молодых людей становится помещик Пуй... Борьба помещиков и батраков Ван Гуем показана в поэме на широком фоне больших социальных событий в стране. В этой жестокой схватке побеждает Ван Гуй — боец партизанского отряда.

Ли Цзюэ, творчеству которого свойственен мягкий, задушевный лиризм, в ярких красках нарисовал картины новой китайской деревни, раскрыв поэзию свободного труда, преобразующего жизнь.

сти треста «Юка-Колз», папика, возмозного во Францию в нарушение всех законов и кронных интересов наших виноградарей. Начиная свое грязное дело, Длану, по совету этого юриконсульта Америки, завербовал нескольких единомышленников: двух румын, болгарина, поляка, албанца. О процессе возвестили с громким шумом, но тут же один из румын предпочел «исчезнуть»; албанец — военный преступник, выдачи которого в 1945 года требует его родина, в свою очередь оказался слишком компрометирующей фигурой. Тактика, которой рещи придерживаться организаторы процесса, оказалась весьма несложной. Трое оставшихся марионеток привлекают нас к ответственности. Эмигранционные «гузы», те, чья деятельность подвергалась наиболее энергичному разоблачению в книге Рено де Жувееля, оставляют за собой менее опасную роль свидетелей и по очереди будут излагать перед судом свои измышления.

Но получившие не совсем так, как этого желал сей сброд. Именно потому, что наши «истцы» были рядовыми статистами, они полагали, что мы обладаем скудными сведениями о них. Самонадеянно они заявили: «Докажите, что мы предатели». Мы доказали это без особого труда. Каждый из них был пойман с поличным, и повелево им пришлось сознаться во лжи. Длану рассказал о том, как добровольно вступил в ряды армии, которая под командованием гитлеровцев вторглась в Советский Союз; болгарин Гемето признал, что в самый разгар войны он развезал по Среднему Востоку с таким удобствами, что его связя с английской разведкой стали вполне очевидными. Польский полковник Ковалевский сознался в том, что он был связан с германской разведкой, что он шпионил за участниками движения Сопротивления во Франции, что он попрежнему остается фашистом, что перед войной он любезно дал интервью официальному органу фашистской партии «Фелькшпер Беобахтер».

Свидетели обвинения оскандалили в неменьшей степени. Бывшему часоисловачьему министру Рипка пришлось сознаться, что через 20 дней после его выхода из состава правительства иностранный самолет опустился на территорию Чехословакии, чтобы тайно вывезти его за границу. Пришлось ему воздать должное и тем, против кого он только что давал показания. На вопрос адвоката Нордмана: «Не скажет ли суду свидетель Рипка, какая политическая партия во Франции является единственной, возразившей против расчленения Чехословакии в период Мюнхена?» — Рипка вынужден был сказать: «Коммунистическая партия Франции».

Миколайчик не смог отрицать, что в бытность свою вице-президентом совета министров Польши он дал указания генералу Модсковскому, которого он посылал в качестве военного атташе в Вашингтон, предоставить себя в распоряжение американской разведки. Бур-Комаровский, виновный гибели полумиллиона граждан Варшавы, вынужден был признать, что он принял решение о злополучном восстании, не связавшись с советским командованием. Его роль сообщника оккупантов и гитлеровских палачей была беспомощно разоблачена. В 1943 году он клеймил как предателя Польши трудящихся, которые отказывались ехать в фашистскую Германию и уходили в партизаны. Залогом того, как Советская Армия-освободительница достигла границы его родины, Бур-Комаровский отдал приказ сражаться против Советской Армии, как только она проникнет на территорию страны. При каждом вопросе этот человек косил глазами в сторону документов, которые мы собирались предъявить суду, и, опасаясь, что его снова уличат во лжи, отвечал утвердительно.

Вিশуюну, крупный богач из среды румынских эмигрантов, не сумел выпутаться из пренеприятнейшей истории. За не-

сколько дней до побега из Румынии этот почтенный министр приказал выдать одному из своих политических друзей полмиллиарда франков, принадлежавших Румынии.

Итак, от заседания к заседанию процесс разбивал голову именно тех, кто его затеял. Газета «Фигаро», которая предвещала опубликованные стенограммы прений, посылала им лишь несколько строчек. В фашистской эмигрантской прессе возникла ссора. Польская эмигрантская газеточка, выходящая в Лондоне, заявила, что этот процесс «ни к чему», и что весьма показательно, та же статья, слово в слово, появилась в бельгийской консервативной газете.

Безусловно, для врагов мира оказалось «ни к чему» много из того, что французское правосудие вынуждено было сказать о наших «истцах». Ведь пришлось же, скажем, подтвердить о болгарине Гемето и то, что он был связан с иностранными властями как у себя на родине, так и за границей, и то, что он занимался подрывной деятельностью в разных странах на Востоке, где он мог свободно разрезать лишь при содействии этих же властей, и то, что, наконец, он стал генеральным секретарем кулацкого «Зеленого Интернационала» с местонахождением в Вашингтоне.

«Ни к чему», да, но не для всех. Когда трех «истцов», трех предателей разоблачили, они не стали отрицать того, что состоят на жалованьи у иностранной державы. Газета, которой руководил Гемето, в свое время эти хвастался. Польский полковник Ковалевский признал, что в 1949 году он служил под начальством британского командования. На вопрос адвоката Нордмана: «Если бы, к несчастью, началась война между Польшей и Великобританией, на чьей стороне вы бы сражались?» — Ковалевский ответил: «Тогда бы видно было».

Кстати, никто из «истцов» и никто из их «свидетелей» не согласился выразить свое неодобрение американскому закону, ассигновавшему сто миллионов долларов саботажникам и предателям — выходцам из стран народной демократии. Хозяин-янки не простили бы им подобного неодобрения. Никто из них не отрицал того, что жезлы военного вмешательства в дела проданной им родины. Как известно, «Зеленый Интернационал» обратился с меморандумом к ООН. Подписавшие этот меморандум лица просили вмешаться в дела их стран с той же энергией и теми же средствами, которые применяются ныне в Корею. Никто из «истцов», никто из их «свидетелей» не отменялся от этого чудовищного пожелания. Все они предпочитают превращение их родины в залитую кровью новую Корею отказу от тех привилегий, которых их навсегда лишила народная демократия. Они не пытались также оправдываться в том, что боролись против тех, кто сражался с гитлеризмом. Они не смогли отрицать, что совершили поступки, которые, по законам, действующим во всех странах, рассматриваются как предательство.

Последней удочкой для них было признание их классовой позиции: «Да, они предатели, но народ, который они предели, вступил на путь социализма, и поэтому они, привилегированные лица, имели право отказаться от всякого патриотизма, служить за границей и стремиться к уничтожению своей родины». В этом нет ничего нового — так поступали и рассуждали в 1792 году эмигрировавшие из Франции аристократы, вступая в армию герцога Брауншвейгского и громко приветствуя его, когда он грозился сечь Париж. То же самое говорили в 1917 году русские великие князья, банкиры и белогардейские генералы. Новое здесь то, что это официальное признание было сделано в Париже по французскому суду, что предателям пришлось на этот раз перестать лицемерить.

Если бы процесс «Интернационала предателей» происходил в Будапеште или Софии, реакционные газеты кричали бы, что это «пародия правосудия», что разыгрывалась «комедия признаний». Но процесс происходил в Париже, и, однако, правда восторжествовала. Перед лицом неопровержимых документов предателям пришлось сознаться в Париже так же, как и в Будапеште и в Софии. Поскольку они признались в предательстве, чем мог суд мотивировать вынесенный им приговор? «Невыдержанность стиля», как вы это видели, а также, проявив хитроумнейший формализм тем, что эти предатели, как гласит приговор, утратив свою первоначальную национальность, лишившись отечества, не могли уже, «с точки зрения юридической», стать предателями своей бывшей родины. Бывший поляк не может «юридически» предать Польшу? Но ведь он лишился своей национальности именно потому, что он предал свою страну! Подневольное и злобное молчание проамериканской прессы этот политический процесс, затеянный в целях пропаганды, оказался опасным оружием для тех, кто им хотел воспользоваться. Буржуазия становится все труднее и труднее маскировать свою подготовку к войне, находить для защиты своего дела людей, которых нам не удалось бы разоблачить. Прения при открытии дверей, существование коммунистической прессы становится, тем самым, для нее все более невыносимыми. Поэтому лавки американцев во Франции будут пытаться усилить фашизацию страны. Но это не так-то легко сделать. Против этого — французский народ и его коммунистическая партия.

Сколько дней до побега из Румынии этот почтенный министр приказал выдать одному из своих политических друзей полмиллиарда франков, принадлежавших Румынии.

Итак, от заседания к заседанию процесс разбивал голову именно тех, кто его затеял. Газета «Фигаро», которая предвещала опубликованные стенограммы прений, посылала им лишь несколько строчек. В фашистской эмигрантской прессе возникла ссора. Польская эмигрантская газеточка, выходящая в Лондоне, заявила, что этот процесс «ни к чему», и что весьма показательно, та же статья, слово в слово, появилась в бельгийской консервативной газете.

Безусловно, для врагов мира оказалось «ни к чему» много из того, что французское правосудие вынуждено было сказать о наших «истцах». Ведь пришлось же, скажем, подтвердить о болгарине Гемето и то, что он был связан с иностранными властями как у себя на родине, так и за границей, и то, что он занимался подрывной деятельностью в разных странах на Востоке, где он мог свободно разрезать лишь при содействии этих же властей, и то, что, наконец, он стал генеральным секретарем кулацкого «Зеленого Интернационала» с местонахождением в Вашингтоне.

«Ни к чему», да, но не для всех. Когда трех «истцов», трех предателей разоблачили, они не стали отрицать того, что состоят на жалованьи у иностранной державы. Газета, которой руководил Гемето, в свое время эти хвастался. Польский полковник Ковалевский признал, что в 1949 году он служил под начальством британского командования. На вопрос адвоката Нордмана: «Если бы, к несчастью, началась война между Польшей и Великобританией, на чьей стороне вы бы сражались?» — Ковалевский ответил: «Тогда бы видно было».

Кстати, никто из «истцов» и никто из их «свидетелей» не согласился выразить свое неодобрение американскому закону, ассигновавшему сто миллионов долларов саботажникам и предателям — выходцам из стран народной демократии. Хозяин-янки не простили бы им подобного неодобрения. Никто из них не отрицал того, что жезлы военного вмешательства в дела проданной им родины. Как известно, «Зеленый Интернационал» обратился с меморандумом к ООН. Подписавшие этот меморандум лица просили вмешаться в дела их стран с той же энергией и теми же средствами, которые применяются ныне в Корею. Никто из «истцов», никто из их «свидетелей» не отменялся от этого чудовищного пожелания. Все они предпочитают превращение их родины в залитую кровью новую Корею отказу от тех привилегий, которых их навсегда лишила народная демократия. Они не пытались также оправдываться в том, что боролись против тех, кто сражался с гитлеризмом. Они не смогли отрицать, что совершили поступки, которые, по законам, действующим во всех странах, рассматриваются как предательство.

Последней удочкой для них было признание их классовой позиции: «Да, они предатели, но народ, который они предели, вступил на путь социализма, и поэтому они, привилегированные лица, имели право отказаться от всякого патриотизма, служить за границей и стремиться к уничтожению своей родины». В этом нет ничего нового — так поступали и рассуждали в 1792 году эмигрировавшие из Франции аристократы, вступая в армию герцога Брауншвейгского и громко приветствуя его, когда он грозился сечь Париж. То же самое говорили в 1917 году русские великие князья, банкиры и белогардейские генералы. Новое здесь то, что это официальное признание было сделано в Париже по французскому суду, что предателям пришлось на этот раз перестать лицемерить.

Если бы процесс «Интернационала предателей» происходил в Будапеште или Софии, реакционные газеты кричали бы, что это «пародия правосудия», что разыгрывалась «комедия признаний». Но процесс происходил в Париже, и, однако, правда восторжествовала. Перед лицом неопровержимых документов предателям пришлось сознаться в Париже так же, как и в Будапеште и в Софии. Поскольку они признались в предательстве, чем мог суд мотивировать вынесенный им приговор? «Невыдержанность стиля», как вы это видели, а также, проявив хитроумнейший формализм тем, что эти предатели, как гласит приговор, утратив свою первоначальную национальность, лишившись отечества, не могли уже, «с точки зрения юридической», стать предателями своей бывшей родины. Бывший поляк не может «юридически» предать Польшу? Но ведь он лишился своей национальности именно потому, что он предал свою страну! Подневольное и злобное молчание проамериканской прессы этот политический процесс, затеянный в целях пропаганды, оказался опасным оружием для тех, кто им хотел воспользоваться. Буржуазия становится все труднее и труднее маскировать свою подготовку к войне, находить для защиты своего дела людей, которых нам не удалось бы разоблачить. Прения при открытии дверей, существование коммунистической прессы становится, тем самым, для нее все более невыносимыми. Поэтому лавки американцев во Франции будут пытаться усилить фашизацию страны. Но это не так-то легко сделать. Против этого — французский народ и его коммунистическая партия.

ЛОНДОН, май

ЛОНДОН, май

ЛОНДОН, май

Собрались ли нас оправдать? Нет! Судьи сохранили за собой возможность сослаться на резкий тон книги и осудить нас за... невоодержанность стиля. Наши «истцы» действительно предатели, но мы, видите ли, слишком громко об этом кричали. Нам следовало говорить, что эти лица, кажется, имеют склонность не проявлять все те добродетели, которые принято ожидать от честных патриотов. Ну, нет! Мы будем по-прежнему называть вещи своими именами: предатель — это предатель. Мы будем действовать так, и наши успехи будут еще более значительными после громкого провала этого судебного дела, вокруг которого хотели поднять такую шумиху. Предатели, держу пари, не будут больше обращаться к суду.

Сама «Орор» — ярая проамериканская дегоевская газета — горько признавалась на следующий день после объявления приговора: «Процесс против «Интернационала предателей» не оправдал возлагавшихся на него надежд».

Обратимся немного к истории этого «дела», закончившегося столь позорно для его организаторов.

В 1948 году французский писатель Рено де Жувеель в книге «Интернационал предателей» разоблачил папку эмигрантов, которую правительство Соединенных Штатов использует для своих темных дел по линии шпионажа, саботажа и распространения ложных слухов. В 1949 году вышло второе издание книги, к которому Рено де Жувеель просил меня написать предисловие. Через несколько недель бывший румынский «дипломат» Длану написал журналисту жеврагентства эмигрантской «Польши» письмо, которое он, по своей глупости, адресовал «господину министру иностранных дел польского правительства в Лондоне». Совершенно естественно, что чиновник английской почты вручил письмо посольству Польской республики.

«Мне пришла мысль, — писал этот глупец, — затеять процесс о диффамации против автора и издателя «Интернационала предателей». Таким образом, — рассуждал он, — нам представится исключительный случай рассказать все, что происходит за железным занавесом, т. е. излить на страны народной демократии обычный поток ругательств и клеветы. Ясно, что замуранный процесс был лишь ядовитым препаратом американской пропаганды. В том же письме Длану упоминала, между прочим, что его вечноски поддерживает юрист Цзар, адвокат Кравченко, убежденный, что легко будет найти необходимые для процесса денежные средства. Незуумосмысленная роль этого своеобразного «защитника» становится вполне понятной, если знать, что уже 20 лет назад Морис Торез разоблачил его как провокатора. Не кто иной, как Цзар, руководил яростной кампанией антисоветской клеветы в связи с процессом Кравченко. Он является засекретителем американского посольства, юриконсултом крупных американских трестов, в частно-

В августе 1944 года, вскоре после освобождения Советской Армией восточной части Польши от гитлеровского ита, польские реакционеры спровоцировали население Варшавы на неподготовленное, авантюристическое, не согласованное с действиями Советской Армии восстание против немецко-фашистских оккупантов. Организаторы восстания стремились предотвратить освобождение Варшавы Советской Армией, захватить польскую столицу, создать в ней будущее-помещичье правительство, привлечь в Польшу англо-американских интерентов и развязать в стране гражданскую войну. Одним из организаторов этого провокационного восстания, жестоко подавленного гитлеровцами, был предатель польского народа Бур-Комаровский.

После того, как Советская Армия освободила правобережную часть Варшавы — Прагу, фашистские главаря восстания перебежали к гитлеровцам и предели постанцев, («Реа-»

ЛОНДОН, май

ЛОНДОН, май

ЛОНДОН, май

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; раздель: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

ЛОНДОН, май

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Английская газета «Дейли геральд» 19 февраля 1952 года поместила статью по поводу неудовлетворительного состояния, в котором находятся британские школы. В редакционном вступлении к этой статье говорится:

«Существующее консервативное правительство сокращение ассигнований на школьное строительство вызывает беспорядок во всей стране. Тысячи детей обучаются в условиях, которые потрясли бы Диккенса в прошлом столетии».

Комментарии излишни!

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГА